

¹ Дом Л. Н. Толстого в Хамовниках в 1921 г. был превращен в мемориальный музей (ныне — филиал Гос. музея Л. Н. Толстого).

² Остафьево — бывшее имение князей Вяземских, ныне — дом отдыха. Пушкинские реликвии, о которых упоминает Бунин, принадлежали П. А. Вяземскому; теперь они находятся во Всесоюзном музее А. С. Пушкина (Ленинград).

³ 31 мая 1931 г. прах Н. В. Гоголя был перенесен на Новодевичье кладбище.

⁴ Бунин имеет в виду палаты бояр Волковых, построенные в конце XVII в. (Хоромный тупик, 4). Существовала легенда, необоснованно связывавшая этот дом с именем Ивана Грозного (см. «Столица и усадьба», 1914, № 16-17). С середины XVIII в. дом принадлежал князьям Юсуповым. После Великой Октябрьской революции юсуповское собрание картин и предметов древности было превращено в музей, а затем вошло в состав коллекций Гос. Исторического музея. Ныне в этом доме находится Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина.

⁵ В подмосковном селе Измайлово находилась загородная резиденция царя Алексея Михайловича. Сохранились: Покровский собор (1679 г.) и отдельные постройки — Мостовая (или «Думная») башня (1671 г.), западные въездные ворота (1682 г.).

⁶ Троицкое-Кайнарджи (близ ст. Кучино Горьковской ж. д.) — поместье, пожалованное Екатериной II графу П. А. Румянцеву-Задунайскому. Дворец Румянцева был разрушен в XIX в., церковь в селе Фенино (конец XVIII в.) сохранилась. Румянцев освободил крестьян Фенина от крепостной зависимости, и в память этого события у въезда из села был поставлен бронзовый памятник Екатерине II работы В. И. Демут-Малиновского. Памятник представляет собой композицию, состоящую из скульптурного портрета Екатерины II и статуи «Мир», которую имеет в виду Бунин. Ныне находится в Гос. научно-исследовательском музее архитектуры им. А. В. Щусева на территории Донского монастыря (Москва).

⁷ Кафтан (ферязь) Ивана Грозного, ранее хранившийся в ризнице Троице-Сергиевской лавры, ныне находится в Гос. Историческом музее (Москва).

⁸ Саввино-Сторбжевский монастырь близ Звенигорода (конец XIV—XVII вв.); ныне в нем помещаются Звенигородский краеведческий музей и дом отдыха. Церковь «на Старом Городище» — Успенский собор «на Городке» (XV в.) близ Звенигорода.

⁹ Очевидно, подразумевается Троице-Калязин монастырь, который иногда называли Макарьевским по имени его основателя. Находился на Волге близ Калязина. В связи с постройкой угличской плотины территория этого монастыря оказалась в зоне затопления.

СОКОЛ

Иван — охотник, лодырь. Живет с краю деревни, возле погоста. Погост на косогоре, скучный: голые глинистые бугорки, взрытые свиньями, истошанные овцами, которые до земли выглодали сухую траву между ними; над одной могилой тощая лозинка, на лозинке вниз головой висит дохлая галка, насквозь источенная муравьями; в одном голубце, рядом с фольговой иконкой, свила гнездо мухоловка... К погосту и прилегает гумно Ивана, нищее, пустое: раскрытый хребет риги, старый тележный ящик, рогатая соломорезка — и все заросло травой, бурьяном.

Когда мы шли к его избе с деревни, от нас стремглав, припадая к земле шей, неслась его единственная наседка и с отчаянно-восклицательным криком взвилась в ее разбитое окошко. На разрушенном крыльце, как-то по-вдovsky свернувшись, лежала чернобровая собака с висячими ушами, грустно глядя на нас вкось, исподлобья.

— Иван, — спросили мы, — чем же ты ее кормишь?

Иван слегка удивился:

— Как чем? Да ничем. Это ее дело.

Перед крыльцом, на двух лопнувших колесах, рассыхалась на солнце пустая водовозка и бесцельно (видно, не зная, что делать) сидел на ее обрезе сизый, с серой грудкой голубь. Иван посмотрел, усмехнулся:

— Ишь в какую визиточку нарядился!

А в избе пол был завален чем попало — всякой добычей того памятного лета семнадцатого года: корыта, кадушки, треногое ободранное кресло, прихотливо изогнутая рама из палисандра, где от зеркала осталась только косая половинка, полотнище пыльной гардины, цинковая детская

ванна с продавленным боком, граммофонный рупор, стенные часы с одной гирей в золе возле печки, пыльная господская визитка, как раз похожая на ту, в которую голубь «нарядился», — все из какого-нибудь разграбленного господского имения. В избе, и без того тесной, негде было повернуться, было безобразно. И истуканом, молча сидела на лавке баба, каменная, большая, с страшными светлыми глазами — жена Ивана. Сидела, молчала и смотрела.

— Это все она натащила, — сказал Иван самодовольно. — Она у меня сокол!

1930 г.

И. А. Бунина. Весной в Иудее. — Роза Иерихона (Нью-Йорк, 1953). Печатается по экземпляру с авторской правкой: ГБЛ, 429. 2.7. Машинопись с авторской правкой, сделанной при подготовке этого сборника к печати, хранится в ИМЛИ, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 55.

Впервые: «Последние новости», Париж, 1930, № 334 (3539), 30 ноября, под заглавием «Иван» (в составе цикла «Краткие рассказы»). Затем: сб. «Божье дерево» (Париж, 1931), под заглавием «Сокол»; Собр. соч. 1934—1936, т. IX, под тем же названием.

Воспроизведено: «Дон», 1968, № 3, в первоначальной редакции (по сб. «Божье дерево») и с неточностями.

ПОРТРЕТ

Богатая квартира, вечно безмолвная, хозяин — человек холостой, одинокий, гостей приглашает только по воскресеньям.

В просторной прихожей, устланной черно-красными коврами, медленно, беззвучно блещет медный диск маятника в английских высоких часах, каждый час оживающих: льется, переливается мелодический звон по всей квартире.

Сумрачная и великолепная столовая в темной фанере. Тяжелый стол из темного гладкого дерева без скатерти, темные дубовые стулья с очень высокими спинками. А над огромным кирпичным камином — достопримечательность квартиры, гордость хозяина: чей-то старинный портрет, писанный будто бы каким-то знаменитым художником, — смотрит с потрескавшегося лакового полотна, не спуская с зрителя глаз, куда он ни пойдешь, большой, плотный мужчина в бархатном малиновом берете, с коричневой прямоугольной бородой. Ничего замечательного нет в этом портрете. Но все гости хозяина, зная, что он им гордится почему-то, — совершенно неизвестно почему! — считают своим долгом продолжительно, задумчиво, даже с важной грустью смотреть на портрет и наконец тихо говорить:

— Да. Вещь замечательная.

Так и проживет хозяин еще лет двадцать с этим неизвестным человеком в малиновом берете, с коричневой бородой, ставшим давным-давно только картиной.

<1927—1930>

Парижский архив Бунина. Впервые опубликовано в 1961 г. в Нью-Йорке. Печатается по тексту этой публикации.

Воспроизведено: «Неделя», 1962, № 17, без указания на источник.

Датируется предположительно: по своей форме рассказ примыкает к циклу миниатюр, написанных в 1927—1930 гг. и включенных в сборник «Божье дерево» (Париж, 1931).